



**Читайте в серии «Марешка.
Славянское фэнтези для подростков»:**

Русалочьи чары



Продолжение следует...

Дея Нира

РУСАДОЧЬИ
ЧАРЫ

Freedom
МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
H68

Иллюстрация на обложке *Wismut*
Художественное оформление Екатерины Ледковой
и Анастасии Грищенко

Нира, Дея.

Н68 Русалочьи чары / Дея Нира. — Москва : Эксмо, 2024. —
384 с. — (Марешка. Славянское фэнтези для подростков).

ISBN 978-5-04-195125-2

В Деревне, что притаялась в дремучих лесах, живёт юная Марешка. Все смотрят на неё, как на чужую. Считают девушки ведьмой. Хотя и не знают, что происходит она из русалочьего рода и тайно волит дружбу с существами, знакомыми жителям Деревни из сказок и легенд.

Когда Марешке исполнилось шестнадцать, отец решил выдать её замуж за кузнеца Владара. Но сердце девицы отдано другому. Во имя любви и свободы Марешка готова пожертвовать многим, даже пойти на сделку с тёмными силами. Однако цена слишком высока. Сможет ли Марешка остаться с любимым или потеряет его навсегда?..

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-195125-2

© Нира Д., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024



ГЛАВА 1

Рассвет с трудом пробивался сквозь плотно закрытые ставни.

Отец не велел оставлять окна открытыми на ночь. Опасался, что к нам могли проникнуть воры или ещё какие недобрые люди, хотя воровство в нашей деревне случалось очень редко. Даже если бы это произошло, их ожидало бы разочарование, ведь у нас нет ничего такого, что способно вызвать чей-то неподдельный интерес.

Сам дом довольно мрачен как снаружи, так и внутри. Массивный, с крупными, грубо оструганными балками, окружённый дивным садом, он мог бы казаться богатым, но не сейчас. Вырезанные на ставнях и дверях узоры в виде диких зверей и птиц должны были украшать, служить оберегом, но нынче смотрелись угрюмо, потемнев от сырости. Зелёный мох крался от земли, цепляясь за неровные брёвна, и полз дальше, к такой же потемневшей крыше. Кое-где на потолке виднелись бурые разводы от дождей: в нашем краю серые облака более частые гости, чем сияющее солнце.

Русалочьи чары

Дом стоял почти на окраине деревни среди подобных ему. Куда ни глянь — бесконечные дубовые рощи, перемежающиеся цветочными и земляничными полянами, ручьями и речками да посевными полями. Даже если забраться на самое высокое дерево и оглядеться, картина останется прежней: все же зелёные верхушки деревьев, а ближе к горизонту — синие. Порой небо тут сливалось с землёй, особенно в ненастную погоду, когда густые и неподвижные туманы захватывали всё в округе и стоящие близко дома становились едва различимыми.

Иногда, если особенно повезёт, ночью можно было разглядеть чудесные россыпи сияющих звёзд. Я засиживалась до утра, пока не бледнело тёмное небо, терзаемая вопросами: живёт ли кто на этих дальних звёздах, почему луна становится месяцем или почему день сменяется ночью? А потом суро-ый оклик отца возвращал меня к действительно-сти, чтобы я принесла воды, задала корма лошадям и овцам и принялась за повседневную привычную работу по дому.

Если бы батюшка узнал, о чём я думала, мне бы пришлось несладко. В нашей деревне обо мне и так говорили как о «чудной», лишь только подворачивался случай. Каждый раз, как я нечаянно проговаривалась о чудесах земных, отец грозно сдвигал брови и произносил, растягивая слова:

— Замуж тебе пора, Марешка, как бы не засиделась в девках. Пускай муж на тебя ищет управу. Всю дурь из головы повыбьет. Вот придёт осень...

Дея Нира

Ранней осенью играли свадьбы, по обычаю. После сбора урожая, когда стены амбаров ломились от мешков с рожью и ячменём, когда славили Древних Богов за дары, по всем домам, где жили девицы на выданье, звучали обрядовые песни.

Разыгрывали так. Сперва девушка делала вид, что упрямится и не желает идти замуж, хотя известно, что у нас замуж хотели все. Жених выкладывал перед ней и её родителями монеты, украшения на красный кусок ткани и рассказывал, чем он может похвалиться перед будущими родственниками.

Не случалось ещё, чтобы свадьба расстроилась, потому как дело это важное и серьёзное, за которое отвечала вся деревня, а не только жених и невеста и их родители. Ни один мужчина не пойдёт сватать невесту, если ему нечего предложить ей и её родным. Он будет работать до тех пор, пока в его доме и амбаре не появится всё, что необходимо будущей семье для проживания.

Самое печальное, по моему разумению, то, что перед свадьбой жених позволял своей невесте подшучивать над ним в присутствии остальных — это входило в саму игру сватовства, но после свадьбы ей можно было совершенно позабыть о шуточном поведении.

Чаще всего девушки стремительно взрослили уже в первые дни замужества. Хотя им и прививалось с детства уважение и почтение к мужчинам, но тут уж каждый отдельный муж вступал во все права над женой и никто не осудил бы его, даже её родители, если бы ему довелось поучать или поколачивать её.

Русалочьи чары

Жена могла пожаловаться на дурное обхождение, но если выяснялось, что она была не слишком рассторопной хозяйкой, ленилась или отказывалась без веской причины выполнять супружеский долг, то её не жалели.

Мысли о собственном замужестве не давали мне покоя. Всякий раз я с ужасом проходила мимо огромного, словно медведь, Владара, и сопровождавший меня отец переглядывался с ним, а потом искоса бросал изучающий взгляд на нерадивую дочь. Будто сомневался, стану ли я хорошей женой Владару и как скоро тот из меня «выбьет дурь».

Сам Владар не отличался говорливостью. Хватало и того, как он смотрел на меня голубыми глазами. Ни разу я не видела улыбки на его лице, он не участвовал ни в молодёжных гуляниях, ни в посиделках, а всё без устали работал в своей кузнице. Только в пору свадеб и обрядовых праздников смывал копоть, наряжался в белую рубаху с красным поясом и молча глядел на веселящихся.

Я ловила его пристальный взгляд и не могла понять, о чём размышлял этот человек, потому что выражение его лица казалось неизменным: замкнутым и строгим. Внимание Владара я заметила ещё несколько лет назад, с одной из вёсен, когда исполняла песню на празднике, славившем солнце.

Петь мне нравилось всегда, и, хотя обычно отец не поощрял моего желания распевать на весь дом, так как в рабочее время дня надлежало думать лишь о деле, а не о баловстве, он позволил Старейшинам послушать моё пение. После чего я получила

Дея Пиря

одобрение и с тех пор пела на праздниках любимые песни нашей деревни. Многие из них были и моего сочинения, о чём я молчала, так как стихосложение и всякая деятельность, требующая ума, возлагалась на мужчин. Только они, по общему мнению, могли складно излагать мысли.

Если бы узнали, что я ещё и мечтаю о дальних странах и путешествиях, меня бы ожидало неизвестное, но наверняка суровое наказание. Благодарение неведомым силам, что мать научила меня грамоте, привила неуёмную жажду открытий, прежде чем скончалась от неизвестной хвори, когда мне исполнилось десять лет. Всё, что мне осталось от неё, — это милые сердцу воспоминания, чудесные книги и поросший цветами земляной холм на погосте.

Помню, как-то незадолго до своей кончины она вошла в комнату очень взволнованная, с растрёпанными волосами, без обычного платка на голове и со слезами на лице. Я ещё решила, что, наверное, отец снова осерчал на неё, как и бывало прежде. Никогда не понимала, отчего он становился недоволен и постоянно находил повод попрекнуть, если матушка всегда была так добра и любезна.

В тот день она обняла меня и взяла обещание хранить в тайне переданные ею знания, как и заветный сундучок с книгами, который прятала под толстой половицей в самом углу, за столиком с девичьими побрякушками, мало интересовавшими меня.

Куда больше моё воображение захватывали картины с невиданными доселе городами, морями



Русалочьи чары

и людьми, одетыми совсем иначе, чем у нас. Я подозревала, что мы неспроста жили в такой глупи и не покидали пределов деревни, за тем исключением, если того не требовали особые обстоятельства. Мне казалось странным, что мы поклонялись Древним Богам и подчинялись старикам, собирающимся в самом центре деревни — в Красном Тереме. Книги же рассказывали совершенно нечто необыкновенное и необъяснимое. Например, будто Земля круглая, а не плоская, хотя Старейшины утверждали именно последнее!

Откуда у матушки появились эти книги? Кем были её родители и откуда она пришла? Почему вышла замуж за моего отца и приняла чуждые ей правила?

К моему отчаянию, я начала размышлять об этом слишком поздно, когда матери уже не стало на этом свете. Сама она о себе почти не рассказывала, хотя порой смотрела так, словно хотела поделиться какой-то тайной, но в последний миг передумывала. Берегла от того, чего мне знать не следовало.

Мы много гуляли с ней вдоль рек и озёр, в глухих чащах, куда наши деревенские не ходили. Они опасались Хозяина леса и всяких существ, о которых сказки сказывали. Но нам с матушкой они не попадались.

Случилось однажды, как из чащи вылез огромный косматый зверь, похожий на медведя. Я замерла от испуга, вцепившись в мамину руку, но она стояла спокойно и даже не пыталась бежать. Зверь, завидев нас, зарычал так свирепо, что у меня душа

Дея Нира

ушла в пятки, но потом успокоился, глухо, примирительно заворчал и скрылся за деревьями. Я была готова поклясться, что, перед тем как он снова вернулся в чащу, в его диком взгляде мелькнули любопытство и понимание. Но решила, что попросту натерпелась страху и мне это причудилось.

Всё же, вне себя от изумления, я расспрашивала маму, отчего он не напал на нас. И тогда она, улыбаясь, ответила: «Он понял, что мы ему не враги, а звери это чувствуют. Впредь не бойся их, они тебе зла не сделают». И тут же попросила, чтобы я никому об этом случае не говорила. Иначе люди истолковали бы это неверно.

К несчастью, деревенские и так находили повод, чтобы позлословить. Я часто слышала пересуды за спиной, когда мы с матерью шли по улице или когда играла с другими ребятишками, ловила на себе косые взгляды других матерей, будто могла кого-то обидеть. Но мне никогда это и в голову не приходило.

Матушка словно не обращала внимания на перешептывания и слухи. Все считали, что она сирота, без роду и племени, не помнящая своей семьи. Какое-то сильное потрясение лишило её памяти, и потому она не могла о себе почти ничего рассказать. И хотя она никому зла не делала, не любили её люди. Шептались, что другая она, чувствовали чужеродную кровь.

Отец после её смерти никогда не говорил со мной о ней, а когда я пыталась разузнать что-нибудь больше, чем знала, он злился и принимался

Русалочьи чары

кричать, чтобы я занималась своим делом и наконец-таки научилась шить рубашки и пристойно готовить, что являлось обязательным условием для моего замужества.

Понимая, что стать прилежной хозяйкой и послушной женой было самым важным для моего будущего мужа, я решила сделать всё, чтобы мои женихи не усмотрели во мне столь необходимых им качеств.

Свататься к нашим девушкам начинали по достижении ими шестнадцати лет. Молодые мужчины присматривали себе девиц по нраву и навещали их родителей, преподнося некие знаки внимания. Среди подарков обязательно были ленты, бусы, серьги и прочие безделицы, которые любили все девушки.

В мой День Шестнадцатилетия дом наполнился гостями. Я постаралась на славу, чтобы все надолго запомнили, как запекаю утку, подаю крепкую ягодную настойку, вышиваю и спрашиваю с другими крайне важными для хозяйки делами. Поначалу гости восхищались моими «чёрными, как плодородная земля, волосами» и «зелёными, как папоротники, глазами», но, когда они отведали угощения, восторженные возгласы поутихли.

Я сдерживала смех изо всех сил, особенно когда на зубах первых мужчин нашей деревни раздавался хруст песка или яичной скорлупы. Или когда от глотка настойки они принимались кашлять от избытка «случайно» попавшей в неё соли. Но основной ответный «подарок невесты» я припасла на самый конец праздника.

Дея Нира

Пышный мясной пирог, который выглядел очень съедобным и вкусным, стоило его разрезать, настроил против даже тех, кто смотрел на меня теми самыми пугающими взглядами, которых я остерегалась. Разрезанный пополам пирог явил собой устрашающую картину: из самого среза торчало дохлое крысиное тельце, точнее, его половина.

Рецепт пирога пришёл ко мне в момент отчаяния, когда я поняла, что на следующий день в дом пожалует толпа чужих мужчин, чтобы разглядывать меня, как ярмарочную кобылу.

Отец с покрасневшим от досады лицом суетливо принялся разливать осто́лбеневшим гостям водицу — ядрёный ячменный напиток, от которого слабели тело и разум. Водица оказалась вполне сносной, так как её испортить я не успела. Мужчины закусывали засолёной репой и глядели в мою сторону не то с презрением, не то с удивлением. А я опускала глаза вниз, изображая стыдливую покорность — тем проще было скрывать неописуемую радость, ведь я учинила что хотела.

Батюшка понял, что смотринам не бывать, и велел мне идти на скотный двор. Всякий раз, как случалось прогневать его, он накладывал это наказание, считая, что тяжёлым трудом удастся меня приструпить.

Я низко поклонилась захмелевшим гостям, попятилась к лестнице и побежала в свою комнату, чтобы снять нарядное платье. То самое, что отец специально спрятал для меня к столь важному дню из куска красивой материи яркого солнечного цве-

Русалочьи чары

та. В нём мне надлежало смутить мужские взгляды и сердца, а угощением — их животы и головы. Теперь в платье нужды не было. Рядиться я не любила.

Оказавшись в одиночестве, не удержалась и разразилась звонким смехом, глядя на себя в маленькое зеркало и припоминая собственные смотрины. Всё удалось на славу, я была крайне довольна собой.

Скинула верхнее платье и башмаки, оставшись в одной рубашке, распустила косу и принялась её расчёсывать, напевая под нос, а потом закружилась на месте, посмеиваясь над гостями.

Тут я и почуяла неладное. Обернулась и вскрикнула — в дверях стояла огромная фигура Владара, неподвижная и угрожающая. Он оглядел меня всю: от босых ног и белой рубашки до распущеных волос. Наши взгляды встретились.

Даже зимой, когда деревню заваливало снегом и трескучие морозы сковывали высокие сугробы до самой весны, когда замерзали кончики пальцев так, что становилось больно, я не испытывала такого холода, будто выкованные изо льда, глаза кузнеца.

Какое-то время мы смотрели друг на друга, а затем он покраснел, как пояс на его широкой талии, а я помертвела. Что-то странное таилось в его пугающих глазах. Он видел, как я плясала, как пела и смеялась, и наверняка догадался что к чему. Но спросить его не посмела, да и не получила бы ответ.

Наконец Владар пошевелился и сделал шаг в мою сторону. Я отшатнулась. Испугалась, что он пришёл сюда, замыслив нечто недоброе. Заметив

Дея Нира

мой страх, он остановился, нерешительно потоптался на месте, а потом протянул ко мне руку, раскрыв ладонь.

В руке Владар держал горсть разноцветных камешков, нанизанных на нитку. Ладонь у него была большая, грубая, вся в мозолях и шрамах. Очень сильная. Захоти только — смог бы удушить меня двумя пальцами. Но он лишь спокойно стоял и протягивал украшение.

— Вот, гляди, — проговорил, и в комнате словно прогремел гром. — Для тебя смастерили.

Я подхватила свисающую нитку с его пальцев и прижала к себе, не зная, что делать дальше. Лишь произнесла слова благодарности. Он кивнул, ещё раз осмотрел меня с ног до головы и вышел, плотно притворив дверь.

Ещё долго я стояла на месте; прыгать и зубоскалить уже не хотелось. И почему Владар вошёл ко мне, хотя мог отдать свой подарок ещё там, внизу, с другим своим подношением, как и остальные гости. Искал ли встречи со мной? И что думал обо мне после того, как я устроила пир, позоривший меня как хозяйку и девушку?

Пока таскала вёдра с навозом и отскребала грязь от стен, никак не могла сообразить, что ещё учудить эдакого, чтобы даже Владар перестал смотреть на меня как на невесту. Терзало опасение, что он вовсе не испугался того, что я запекаю крыс в пирогах и порчу ягодную настойку, которой спасались по вечерам все мужчины нашей деревни в период долгих холодов.